

А.С. - Один из них - тот, который стал сейчас священником... Но во всяком случае, не Резников и не /ирзб ڦамиلیا/, потому что с ними я тогда не был знаком. Это были просто мои одноклассники, которые просто где-то что-то слышали больше меня. Да, и еще я узнал, что есть такие Сахаров и Солженицын, но это было только в 9 классе. Это было в 1973г. Узнал очень смешно. В первый раз имя Сахарова я ~~жехж~~ услышал от врача в психбольнице. Это когда в конце 8-го класса я попал в психбольницу.

Т.К. - Марианна тебя туда упекла?

А.С. - Скажем так, не без ее участия. Видимо, и учитель истории руку приложил. Я сейчас не хочу в подробностях об этом распространяться, я не хочу грешить и утверждать, что основную роль она в этом сыграла, я не могу такого утверждать, но думаю, что и она тут роль сыграла.

Т.К. - А мама?

А.С. - Моя собственная мама допустила в этой истории целый ряд ошибок. Не по своей вине.

Т.К. - Она позволила делать это без ее участия? Или она отошла в сторону?

А.С. - Эту тему я бы проехал. Так вот, когда меня воспитывал один из psychiatров в психушке, - а они меня там воспитывали и объясняли, что не надо никуда лезть, чтобы жить в обществе, - и один из них меня воспитывал меня таким образом: не лезь против государства, пока ты для него ничего не сделал и никакого положения не достиг, на это ты не имеешь морального права. Вот человек который что-то сделал и чего-то достиг, он уже может себе позволить иметь свое мнение и выступать и ~~жехи~~ высказываться. Вот есть такой Сахаров, он много чего сделал, водородную бомбу, он может себе позволить выступления делать. И так я впервые услышал фамилию Сахарова. И вообще это несолидно,

А.С. - Вступить в комсомол - это было для меня значимо. Это было в восьмом классе, наверное, ~~1972г.~~ 1971-1972г. Я вступал как раз тогда, когда у меня начали возникать первые сомнения в правильности этой идеологии. Даже не в идеологии. Ее я не ставил под сомнение еще очень долго, даже когда в первый раз садился в тюрьму. Сомнение в правильности выполнения этой идеологии. Я помню, что возникало ощущение, что все делается формально. Начиная с того, как проводится прием, задаются вопросы, на которые никто не знает ответа, но это никого не интересует. Начиная с такой мелочи. Начиная с того, что, по моим представлениям, комсомол - это то, что должно объединять лучших, наиболее грамотных и идейных.

Т.К. - А кто у вас был комсорг?

А.С. - Этого абсолютно не помню. Нет, в классе - помню. Женечка Вайсберг была у нас комсоргом начиная с 8-го класса, сейчас она стала ортодоксальнейшей иудаисткой, в субботние дни даже телефон отключает, чтобы ничем посторонним не заниматься. Знаю это понаслышке. Тогда все дружили, в очень хороших отношениях были. В иудаизм ударились в последние годы. Не знаю, как тогда у нее с идентичностью было, но это была среда, в которой на все смотрели значительно критически. Ортодоксальной она никогда не была. Думаю, что тогда для большинства уже вполне осознанно комсомольская жизнь или работа не воспринималась как что-то политическое или идеологическое, а как какая-то общественная структура, в рамках которой надо жить или существовать. Которая требует от тебя каких-то формальностей. Это не ставилось под сомнение - вот есть, и надо делать. Это, наверное, что-то ^{делы} дает, какую-то полезную функцию выполняет. ~~Малыш~~ в "Зарнице" играют, а более старшие - в комсомольскую структуру. Организует

как-то класс... А политически это большинством не воспринималось. На комсомол смотрели как на общественную организацию типа профсоюза. Вывеска какая-то есть политическая, но она не дана, и ее надо просто принимать. Думаю, что это было сознанием большинства, тех, кто умел думать. Потому что в большом количестве были и такие, кто думать просто не умел.

T.K. - Тебя устраивало твое место в классе? Ты пользовался авторитетом, были у тебя близкие друзья?

A.C. - Мне сейчас сложно про это рассказывать, в принципе относились ко мне, как правило, хорошо, с симпатией, но каким-то авторитетом я не пользовался, и многие мои особенности воспринимались большинством с иронией.

T.K. - Ты ходил в чудаках?

A.C. - Да.

- Твои вопросы, твое поведение вызывало что - смех, недоумение?

A.C. - У кого-то недоумение, у кого-то раздражение, но, наверное, у нас в классе не было принято относиться с раздражением. Особенность же нашего класса была в том, что внешне очень поощрялась всякая индивидуальность. Во всяком случае, делался такой вид, что индивидуальность и самостоятельность всячески поощряется. На деле все не так было.

T.K. - А были возможности для проявления индивидуальность? На уроках, после уроков, споры какие-то?

A.C. - Вот Марьяна это поощряла. Но, естественно, она за этим оставляла свой контроль и возможность направить любую дискуссию в то русло, которое нужно ей. Но при этом чтобы дискуссия была, и с полным уважением ко всем... Это почему многим нравилось: в мире внешнем, даже в семье, они с этим не сталкивались, что тебя, вроде, воспринимают как личность, имеющую право на свои

суждения, и вообще... Это же, конечно, страшно импонировало. На деле, и это я могу сказать особенно теперь, для нее это было стратегией завоевания власти.

- А когда ты начал понимать именно это, пришел к такой мысли - какое время спустя?

- Ну, не сразу же во всяком случае. Это происходило на достаточно повышенном эмоциональном уровне. Даже ~~ж~~ если начинаешь что-то понимать, существуют какие-то привязанности, которые не позволяют тебе сделать окончательный вывод. В принципе ты понимаешь, но вывода не делаешь, потому что не хочешь.

- Привязанность к коллективу или к кому-то конкретно?

- Марьяна в большинстве случаев добивалась, что ученики были привязаны именно к ней. И это она делала блестяще. Как потом мне говорили, люди понимающие в этой кухне, наш класс был первым, где она не достигла победы, и - полной победы, - в этой области. То есть, изначально выделилась какая-то группа, которая сохранила критическое к ней отношение.

- А сколько человек было в классе?

- Не помню. Человек 35, наверное, было. В классе было хорошо, интересно.

- Она поощряла личные привязанности мальчиков к девочкам, девочек к мальчикам?

- Да. Не знаю, в какой степени инспирировала, но создавала вокруг этого атмосферу уважения. Другое дело, что это опять-таки работало на ее власть и авторитет, но это очень интересный персонаж в принципе. Не знаю, как он относится к ~~тем историям, которые мы рассказываем~~, но персонаж очень интересный для отдельной темы. Я ее до сих пор с теплотой вспоминаю.

- Ты-то к ней относился критически?

- Я скорее всего занимал промежуточное положение. С одной стороны никому не удавалось полностью вытравить мое критическое отношение, а с другой стороны я человек увлекающийся, могу совмещать критическое отношение с сильным увлечением. Это создает всякие внутренние напряги. Но в нашем классе было несколько человек, которые изначально не позволили себе даже увлечься.

- А из чего они исходили? Просто чувство протеста?

- Было у нас пара протестантов, хотя таких было немного. А другие... С протестантами она умела расправляться. Зубы она обломала не о протестантов, а о тех, кто умел сохранять внутреннюю независимость и, в общем-то, это показывать. Не вылезая, но показывать, что он сам по себе.

- А ты тогда к этим людям испытывал уважение, симпатию?

- Да. Это были мальчишки. У нас в принципе класс был в большинстве умный. Хороший класс был. А те - это здоровый критический скептицизм интеллигентский, ^{2-ий} тогдашней. Видимо, это был момент общественного перелома.

- А кем стали те ребята, которые тогда уже протестовали?

- Один из них сейчас священик, хотя он не кончал духовных училищ, самообразованием достиг. Не монах, нет. но священик. А другой - я не знаю. Другой очень быстро как-то вступил на конформистский путь.

- Расскажи, что случилось в восьмом классе.

- В восьмом классе меня вплотную заинтересовала история наша, революции и последующих событий. Это, наверное, сыграло большую роль. Мне было интересно, я хотел понять. Прежде всего я столкнулся с тем, чтобы получить исчерпывающую информацию. Я интересуюсь, роюсь по книгам самых разным, школьные учебники меня

Россия в начале
С.Л.З

очень быстро перестали удовлетворять, стал лазать в более серьезные материалы, монографии, и везде одно и то же: написано как бы очень много, а информации нету. И вот это самое называние определенного стереотипа без какого-то убедительного доказательства я начал чувствовать. Это одно. А, естественно, какая-то мысль возникает. Если виншают таким образом, то это несправедливо. Значит, не надеются, что, если давать, более полную информацию, можно будет убедить в том, в чем хотят убедить. Значит, что-то не так. Дальше - все построение. *Подача истории* Большевики все такие хорошие, всегда правы, а все остальные - гады. Сначала на чисто эмоциональном уровне возникает чувство протesta: обидно, что так пугают, сочувствие возникает стихийное на чисто подсознательном уровне. Ведь уже на сознательном уровне возникает мысль, что так в жизни не бывает - одни во всем хорошие, а другие во всем гады. Но это приходит после, на аналитическом, логическом уровне. А первое сомнение эмоционально. Вот почему Троцкого на всех уровнях ругают? У меня это вызвало только сочувствие к Троцкому. Не найти где-нибудь хоть что-нибудь, где сказано, что он хоть что-то хорошее сделал. Конечно, нельзя не сказать, неизвестно, сколько времени у меня это осмысление происходило, если бы я не общался с людьми, со сверстниками, которые в это время понимали уже больше меня. Чисто на уровне общения, обсуждений, дискуссий, а они у нас были, круг знакомых был вполне интеллектуальный, я впервые столкнулся с людьми, которые в принципе не разделяли идеологию. Это у нас в классе. Когда в 7-м еще в классе один из моих одноклассников, - кстати, потом он уже со мной не учился, - сказал, что капитализм лучше социализма, для меня это было что-то

такое ужасное!.. Для меня тогда в сознании не было понятия крамолы. Если человек не прав, то его надо убеждать, а не каким-то способом с ним расправиться. И репрессивная сущность этого режима для меня стала понятна гораздо позже. Я вообще понятия не имел, что у нас существуют какие-то репрессии, подавления, но сама эта мысль, высказанная моим сверстником, мне показалась ужасной и неожиданной. Я был растерян ужасно, и естественно у меня не возникло мысли, что он прав. А после, когда я сталкивался с одноклассниками, которые прямо так не говорили, но высказывали мысли, которые были отчасти созвучны с этим прямым утверждением, тут у меня впервые возникает мысль, что это - не аксиома, то, чего я придерживался, что надо доказывать, и что существует другая точка зрения, которая тоже имеет право на существование. И в которой не надо видеть что-то чудовищно ужасное. Это был просто одноклассник, я с ним не был в дружеских отношениях, и после с ним не встречался, совершенно посторонний мне человек.

- Ты любил хулиганить?

- Нет. Причем, как дальше у меня развивается мысль: идеологию я под сомнение не ставлю, но начинаю сомневаться в правильности ее претворения в жизнь. И, во-первых, начинаю уже целенаправленно искать ответы на вопросы: а почему, а что именно неправильно, потому что мне более или менее понятно, что с хода я все это объяснить не могу, что простых ответов, лежащих на поверхности, здесь нет, значит, надо копаться и искать, и, наверное, долго, тем более, в неблагоприятной среде, которая не способствует быстрому нахождению, которая прячет информацию. Но я решил, что надо искать, и, когда я составляю себе более или менее ясное мнение, искать пути и способы, как это исправить.

Тут работала в чистом виде психология революционера, реформатора. Наверное, все-таки революционера, потому что по темпераменту я был революционер. Отличие тут, наверное, в темпераменте; подход к общественной среде один, но у одного темперамет более разрушительный, у другого болен осторожный. Наверное, именно в этот период у меня как-то связывается то, что у нас не все благополучно в обществе, с тем, что до меня глухо доходило по поводу сталинских репрессий, то есть, мысль, довольно быстро возникшая, о несостоятельности официальных объяснений всех этих вещей. А объясняли как: в основном тем, что репрессиями руководили Берия и Ежов, а весь народ ничего не знал. Элементарно возникает мысль - это же ^{сталин} немальчик, чтобы от него скрывать. А государственный деятель - даже если информацию от него скрывают, он все равно должен знать, какую информацию от него скрывают. Догадываться должен, по косвенным данным. Не может правитель государства не знать, сколько у него народа в тюрьмах. Если вдруг у него в тюрьмах оказывается гораздо больше народа, чем раньше, не может он не задаться вопросом, откуда у него такое количество врагов образовалось. И не сообразить, что в этом нужно разобраться. И я начал формулировать эти вопросы. На эту тему, про революцию, конечно, Троцкий меня волновал и интересовал, хотелось его защитить. Потом круг постепенно расширяется: Троцкого жалко, потом еще кого-то, потом левых эсеров жалко. Тоже начинаешь искать, что они, наверное, хорошие, а не какие-то гады. Я это обсуждал со знакомыми, я вообще такой человек, что, если меня что-то волнует, я это обсуждаю везде и всегда, что, наверное, тоже усиливало мою репутацию чудака. Читал я только то, что было доступно.

T.K. - Был ли у кого-то из твоих сверстников другой канал информации?

А.С. - Один из них - тот, который стал сейчас священником... Но во всяком случае, не Резников и не /ирзб ڦамиلیا/, потому что с ними я тогда не был знаком. Это были просто мои одноклассники, которые просто где-то что-то слышали больше меня. Да, и еще я узнал, что есть такие Сахаров и Солженицын, но это было только в 9 классе. Это было в 1973г. Узнал очень смешно. В первый раз имя Сахарова я ~~жехж~~ услышал от врача в психбольнице. Это когда в конце 8-го класса я попал в психбольницу.

Т.К. - Марианна тебя туда упекла?

А.С. - Скажем так, не без ее участия. Видимо, и учитель истории руку приложил. Я сейчас не хочу в подробностях об этом распространяться, я не хочу грешить и утверждать, что основную роль она в этом сыграла, я не могу такого утверждать, но думаю, что и она тут роль сыграла.

Т.К. - А мама?

А.С. - Моя собственная мама допустила в этой истории целый ряд ошибок. Не по своей вине.

Т.К. - Она позволила делать это без ее участия? Или она отошла в сторону?

А.С. - Эту тему я бы проехал. Так вот, когда меня воспитывал один из psychiatров в психушке, - а они меня там воспитывали и объясняли, что не надо никуда лезть, чтобы жить в обществе, - и один из них меня воспитывал меня таким образом: не лезь против государства, пока ты для него ничего не сделал и никакого положения не достиг, на это ты не имеешь морального права. Вот человек который что-то сделал и чего-то достиг, он уже может себе позволить иметь свое мнение и выступать и ~~жехи~~ высказываться. Вот есть такой Сахаров, он много чего сделал, водородную бомбу, он может себе позволить выступления делать. И так я впервые услышал фамилию Сахарова. И вообще это несолидно,

ты еще ничего не знаешь. Вырасти, потом будешь критиковать. В какой-то степени он был прав, я действительно ничего не знал. Сейчас я со стыдом вспоминаю, что, когда он меня спросил, как я отношусь к Сталину, я ~~как~~ понес ему какую-то съездовскую чушь на эту тему. И он сразу скривился, ему стало скучно. Ладно, мол, вырастешь узнаешь, тогда и будешь говорить на эту тему, а сейчас с тобой не интересно.

T.K. - А физически ты был нормально развит? Ты себе нравился? Не было комплексов, связанных с периодом роста?

A.C. - Хиловат был всегда. Комплексовал, конечно, не слишком сильно, но все-таки. Зрение у меня плохое всегда было. Где-то лет с четырех-пяти. А психиатр этот был, по-моему, даже не тот, который там работал постоянно, а просто какой-то зашел. Нет, не из КГБ был, просто из другой больницы, зашел посмотреть мои симптомы.

T.K. - И сколько ты там лежал?

A.C. - Около двух месяцев, май-июнь.

T.K. - Даже экзамены не сдал за 8-й класс?

A.C. - Нет, не сдал. И в эту самую "Неву" не попал. После 8-го класса они уезжали... Из одноклассников никто не навещал. В классе не знали, где я. Все было сделано так, чтобы никто не знал. Потом осмотрел меня профессор Лечко, достаточно известный человек в городе, поставил мне психопатию паранойиальную, такой диагноз. А что касается моей дальнейшей идейной эволюции... Причины наших неустройств я еще долго объяснял отступлением от коммунистических принципов, которые я считал самыми правильными и лучшими, и которые связывались в моем сознании тогдашнем с принципами свободы и демократии. Всегда был стихийным демократом, неосознанным. И мне казалось, что правильное воплощение в жизнь коммунистических принципов предполагает

Т.К. - А твой круг общения как-то изменился после этого?

А.С. - Круг общения у меня менялся неоднократно, я все время искал людей.

Т.К. - Кто имел влияние из старшего поколения, из сверстников?

А.С. - Из старшего поколения не было никого вообще. Из сверстников - я бывал увлечен много раз, чисто по-человечески, своими новыми друзьями и знакомыми, но по сути дела ни с одним из них не нашел общего языка по этим вопросам. Начинали сразу их агитировать за то, до чего я додумался: нужно создавать революционную организацию в перспективе, а до того заняться изысканиями идеейной базы будущей революционной организации. Я (не) предлагал немедленно печатать листовки и разбрасывать их по заводам. Но это же вызывало у моих знакомых не больший энтузиазм, чем идея разбрасывать листовки. А зачем, а кому это надо? Это меня очень удивляло и шокировало, что, при всем том, что многие видели ту же несправедливость, что и я, ни у кого не возникала мысль, что с этим надо как-то бороться и попытаться это изменить. В этом отношении я был совершенно одинок. Меня это очень огорчало. Мне хотелось в это вовлечь человека тем более, чем более он был мне симпатичен. А вот в десятом классе... И она как раз связана с Резниковым. Дело в том, что связана она была исключительно с нашими внутришкольными делами. Школа у нас всегда была достаточно либеральная, и порядки на общем уровне у нас были либеральные, в области школьной формы, и какого-то порядка в коридорах, внешний вид, прически, и прочее, что школьников всегда волнует и интересует. Атмосфера была либеральная и вольная. А когда мы учились в 10 классе, нам прислали новую директиву, и это было уже в русле той линии властей, когда

под нашу школу уже изрядно подкапывались. Некоторый рассадник неортодоксальности. Директриса тупая, до предела ортодоксальная, до предела вредная, и она начала наводить порядок. Порядок во внешних бытовых вещах: форма, сменная обувь, прически, галстуки, белые рубашки, строгие костюмы. Ну, старшеклассники уже давно в серых костюмах в школе не ходили, в костюмах таких обычных. Но стали требовать, чтобы это было неярко, неброско, ближе к серому, и рубашки, не дай Бог, какие-то там полосочки на воротничке, это уже неправильно, и галстук обязательно, ~~желей~~ стричь начали, выгонять нестриженных, дежурства какие-то ввели для поддержания порядка, хотя беспорядков особых у нас никогда не было. Началась кампания мелочного, очень противных придиরок. Это входило в сильное противоречие с традициями, духом укоренившимся нашей школы, привыкли к другому, было же все-таки общественное мнение в школе, которое восприняло все это негативно, и возникло довольно сильное сопротивление. Сначала пассивное, все постановления саботировались всячески, а потом разразилась история. У нас был такой порядок, что периодически вывешивалась общешкольная стенная газета. А делали ее по очереди старшие классы, 9-е и 10-е. И вот мой бывший класс, 10й первый (я раньше учился в 8-м первом, а в 10-й первый меня не взяли, Марьяна выперла, я ей надоел, и в 10-м я был уже в другом, но продолжал общаться, поддерживать отношения и всякое такое), делал очередную стенную газету, и поместил в нее сатирический памфлет на новые школьные порядки. Это была как бы наша школа через некоторое количество лет, заходит какой-то выпускник, и видит полумрак, какие-то серые тени, дежурные с красными повязками, которые в полумраке больше смахивают на коричневые, т.е. расписано будущее нашей школы. Как они умуд-

рились ее вывесить - строгая цензура тоже не была в традициях нашей школы, и строгий контроль еще не установили. Это просто проскочило и было вывешено. Весь день толпа, а потом начался скандал. На следующий день газету просто сняли. Школа вся бурлит, разговоры только об этой газете и о директрисе, которая не нашла ничего лучшего, как только снять эту газету. А дальше директриса старается принять контрмеры. Она оказывает грубейшее давление на десятый класс, который должен делать следующий номер газеты, чтобы в следующем номере они дали идейный отпор. Этому несознательному выступлению. Уж как она руки выкручивала! Этим никто не хотел заниматься. И не знаю, и не помню, как она выкручивала руки, но в следующей газете как-то очень неуклюже, очень тупо, очень несмешно, но в какой-то форме лягали предыдущую газету и этот памфлет. Я думаю, что она пожалела об этом, потому что это только подлило масла в огонь. Опять резко разгорелись страсти, опять толпы стали собираться уже у этой газеты, и испохабили ее всю надписями, выражавшими предельное презрение, возмущение авторами этой газеты. И на следующий день она была уже вся исписана надписями на грани приличия, пришлось снять и ее. А дальше сыграло ретивое у меня, и я с одним из моих товарищ, который был очень правильный, ортодоксальный, и видимо, именно поэтому не одобрял такое поведение начальства, вместе с ним мы написали листовку. Это моя первая листовка. Написали в издевательско-юмористическом стиле, но она как бы не против директрисы, а за нее, но в таком издевательском духе, что всем все понятно. Я даже не воспроизведу по памяти, что я там сочинял, но примерно в таком духе, что

испортили газету, как вам не стыдно, вы тем самым опускаетесь на уровень тех, кто снял первую газету, до полемики опускаетесь, надо уважать труд своих товарищей, а о душе своих товарищей, ~~которые~~ которые делали эту газету, вы не думайте, потому что у них теперь влиятельные друзья, которые и без вас о них позаботятся. В очень благостном духе была листовка. Школа бурлит, вся на ушах. Да, мы сделали несколько экземпляров, чтобы можно было вешать новую, когда снимут. Школа бурлит, толпы читают, какую-то сняли, какая-то по рукам пошла, в сортире показывают, начальство в панике - беспорядки в школе, караул! А на следующий день на этом самом стенде висит новая листовка, примерно такого содержания, уже в совершенно другом стиле, решительном и ленинском: вчера здесь висела другая листовка, авторы которой были настроены весьма благодушно. Но если разобраться, имеем ли право на такое благодушие? Не имеем. Потому что нам-то что, мы уже взрослые сформировавшиеся люди, на нас эти новые порядки влияния уже не окажут, но те следующие поколения, которые идут за нами, мы же за них в ответе. И поэтому мы должны не так благодушно зубоскалить, а дать отпор нововведениям, которые целенаправленно проводятся в нашей школе. И заканчивалась она так: Долой серые костюмы, долой серые личности, долой... стоп, пока хватит. И называлась она 200 слов. Тогда еще у многих людей на памяти было название "2000 слов", не раз охлевавшееся в нашей прессе, как манифест чехословацкой "ползучей контрреволюции" 1968г. Очень умеренное писание, по нашим временам - это примерно как бы написали наши коммунисты 1988г., но по тогдашим временам это был страшный контрреволюционный документ, и аналогии возникали сразу. И это уже был пик скандала. Ее тоже прошло достаточно большое количество народа.

Это уже узнали наверху. Нашу ортодоксальнейшую и тупейшую историчку вызвали в райком КПСС, учинили ей такую головомойку, что у нее случился инсульт, что нам всем потом ставили в вину.

Мы со всеми нашими идеями такие жестокие люди, что довели человека до приступа. Это была листовка Резникова. И узнали об этом только значительно позже, ну, не значительно, я вскоре об этом узнал, и меня с ним познакомили в коридоре. Не помню, кто. Позвали на другой этаж, сказали - вот познакомься. Листовка была тоже анонимная, но на самом деле очень скоро все узнали, чья листовка ~~чье~~ была. Но поскольку никто ничего не доказал, у нас хватило ума не сознаваться, все было нормально.

- А что такое был ^{РЕЗ} Резников в 10 классе?

- Мы с ним тогда 10 минут поговорили в коридоре - о перспективах коммунистической революции в нашей стране, и должна ли сохраняться при коммунизме личная собственность. Резников и Чурков стояли на той точке зрения, что никакой личной собственности при коммунизме оставаться не должно, а я считал, что в очень ограниченном количестве - должно. Стихийно опять же, на подсознательном уровне, но что-то мне подсказывало, что какая-то область автономии личности должна существовать. Для меня это было слишком радикально.

- А ты ведь был чуть старше?

- Мне в начале I-го класса исполнилось 8, а ему в - конце I класса или позже.

- А какие они все-таки тогда были?

- Абсолютно такие же. И я такой же. А потом я был счастлив, что я нашел таких же, как я, но меня смущало про собственность. А я в то время ходил по своим старым друзьям и пытался склонить кого-нибудь кружок организовать. Изучать политические науки полностью. Но ничего этого не удалось. Причем мне даже удалось добиться, чтобы несколько раз собирались и поговорили на эту тему,

и вроде бы даже формально соглашались, что надо бы, и что хорошо бы это делать. Потом намечался план, кто какую тему возьмет для следующего собрания, коего просто не происходило. Много таких эпизодов было.

- А что касается приоритетов - Маркс, Ленин, - тогда еще ничего не выстраивалось, отношение к ним?

- Нет, они воспринимались как основоположники - и все. Было другое: хотелось защитить тех, кто не вошел в основоположники и кого везде поносили и поливали. И не то, чтобы основоположники не правы, а что и те, другие, в чем-то тоже правы. В чем-то противоречат им, в чем-то могут дополнить. То есть, хотелось к этим основоположникам добавить еще и других. Я тогда анархистами стал увлекаться, очень Кропоткина полюбил... Но при этом не отвергал ни Маркса, ни Ленина. Марксизм мне казался теорией, которой при добросовестном отношении к ней может объяснить все.

- А как это сочеталось с анархизмом?

- В других есть тоже ценные моменты, которые могут дополнить, понимаешь? То есть, я был ревизионист, как это называется в коммуняческом жаргоне. Я очень любил марксизм вообще, но мне хотелось его дополнить и улучшить. И я искал именно те моменты, например, в Кропоткине, где они не расходились. Очень радовался, когда находил. Примириить их хотелось. А дальше... Пока я возился со своими тупоумными друзьями, эти ребята создали группу. Причем они поставили цели более радикальные. Они не отрицали, что говорил я, что нужно разрабатывать теорию и собирать информацию. Но они считали, что это можно сделать очень быстро и немедленно перейти к революционным действиям. Но, согласившись, что первый период должен быть таким, о каком говорил я, они этот кружочек собрали. Но они сразу попытались его сделать...

Во-первых, они провели идеологическую идентификацию. Я считал, что в таком кружке должны быть представлены разные направления, разные течения, а потом, может быть, из них что-нибудь выступится. То есть, я стремился к более широкому охвату. А у них была тенденция объединиться, сузить, размежеваться с другими, то есть, собрать группу по жесткому идеологическому принципу. В этом отношении они оказались гораздо более ортодоксальными марксистами и ленинцами. Но, во всяком случае, когда они создали свою группу, они меня туда пригласили. А я уже тогда поступил в университет. Это уже было все после школы. Они меня пригласили туда, во-первых, послушать всякие истории интересные, а во-вторых, предложили мне принять в этом участие. В создании этой самой группы. И на том собрании, на котором был я, Андрей Резников зачитал принципы... По-моему, у него было четыре принципа предварительных. Он соглашался, что надо теорию разрабатывать, а потом что-то делать, но - быстро надо! Четыре принципа, которые были обязательными для этой группы: вот если разделяешь все четыре - значит, можешь, а если не разделяешь - значит, ищи себе другую группу.

- А что за принципы?

- Не уверен, что вспомню сейчас все, но они были такие очень марксистские ортодоксальные. Там говорилось, что общество в настоящий момент переживает кризис, что тот кризис есть результат возникшего противоречия между производительными силами и производственными отношениями, разрешиться он может только при условии ликвидации социалистических производственных отношений и установления коммунистических, которые будут заключаться в полной ликвидации частной собственности... И, по-моему, там было, я не уверен сейчас, - четвертый принцип был, что все это

может произойти только в результате коммунистической победоносной революции, а никак не постепенным реформистским путем.

- Ты их поддерживал?

- Я практически по всем этим пунктам не то чтобы поддерживал, не то чтобы не поддерживал, у меня были сомнения, скажем так. Но в качестве какой-то предварительной рабочей гипотезы я готов был их принять. Хотя про себя всегда думал, что революция - это, конечно, хорошо, но, может, можно и без революции обойтись. Но высказывать такую идею там было нельзя.

- А много их было?

- Там были Андрей и Аркадий, две девочки было, по-моему, и вот не ~~не~~ с первого раза, со второго, кажется, там появился этот самый Саша Фоменков, еще не кончивший тогда десятый класс, резниковский приятель.

- А что это были за девчонки?

- Из их класса. То есть, компания была преимущественно из их класса.

- То есть, с тобой - шестеро?

- Да. Мне понравилось, что там было. Я впервые увидел то, что отвечало моему идеалу. Я увидел там рабочую атмосферу. Обсуждали что-то, читали и цитировали классиков марксизма-ленинизма, давали задания какие-то и выполняли их к следующему разу, обсуждения какие-то... Что мне очень понравилось, и что меня заставляло в дальнейшем, несмотря на нарастающие разногласия, с ними не рвать. Я за это цеплялся, другой компании, в которой занимались хотя бы этим, я найти не мог.

- Опять же у тебя не было контактов со старшими?

- Нет, ни с кем.

- И не было желания найти кого-то из поколения старшего?

- Было желание, но не было возможности. А, скажем, представления о диссидентском движении тогда у меня были, - и долго еще исчерпывались этим, - что есть такие Сахаров и Солженицын. Как раз в это время, когда я стал к ним ходить, я впервые в жизни послушал несколько раз "Голос Америки" и узнал, что еще есть Рой Медведев. И все. И больше ни о какой оппозиции в Советском Союзе я не знал ничего.

- А "Голос Америки" ты стал слушать после школы?

- Да, и очень нерегулярно. У меня не было приемника своего. У какого-нибудь случится послушать - я слушал с большим удовольствием. У меня потом появился приемник, где-то... ну, после уже этой истории, - с листовками. Не со школьными, а после следующей истории с листовками, с резниковскими. Или как раз в это время появился, я уже сейчас не помню. Но до этого у меня приемника не было, это точно.

- А ты знал, что надо слушать, что есть такой "Голос Америки"? Откуда ты узнал?

- Слышал от людей, что есть "Голос Америки". знал, что это гнусная империалистическая радиостанция, которая ведет буржуазную пропаганду, и пропаганде этой верить не надо, но что иногда там услышать кое-какую информацию, которой нет в нашей прессе, можно, поэтому слушать их стоит.

- Так ты это формулировал?

- Я не могу вспомнить, что кто-нибудь формулировал это именно так, это было мое собственное мнение. Раз "Голос Америки", - значит, буржуазную идеологию пропагандируют, но раз там есть информация, которой у меня нет, так почему бы ее оттуда не взять. А оценку можно не разделять, этого самого "Голоса", которая, конечно же, буржуазная и нехорошая.

свободу и демократию. Народовластие будет истинное, и информация будет вся.

T.K. - А в 9-м классе кто-то узнал об этом?

A.C. - Да, я сам рассказал, я в этом ничего постыдного не видел, наоборот, это подняло меня в моих собственных глазах, стал ощущать себя подвергнутым репрессиям, совсем себя революционером почувствовал...

T.K. - А они только твои вопросы посчитали за сумасшествие, или было еще что-то? Истерики, например?

A.C. - В школе у меня истерик не было. Там я вел себя в основномлично. В чем, скажем, моя неуправляемость проявлялась, ну, прогулить я стал, чего раньше со мной никогда не было. Конечно, это было связано с острым чувством дискомфорта.

T.K. - А потом, значит, статус кво у тебя резко возрос?

A.C. - Да. И в 9 классе начал усовершенствоваться идеологически. Я долго придерживался такого принципа, что нужно сначала все изучить, во всем последовательно разобраться, потом сделать выводы, обосновать, выработать программу... Только так. Уже была идея программы. А дальше - я не был уверен, но предполагал, что так может быть, и мне, конечно, этого хотелось, - создавать какую-то революционную организацию. Совсем как большевики. Представлял всю схему, начитавшись про них. И, конечно, вся эта схема была выражением того, что лежало на поверхности.

T.K. - Ты один такой был, революционер-блатарь?

A.C. - Да. Блатари у нас были еще, но не на политическом уровне, на уровне чисто бытовых проявлений. Конфликтовали с местным начальством. А так - нет, политической оппозиции у нас в классе не было. В этом плане Резникову с Цурковым (§) было легче, потому что их в классе было двое таких. Они друг от друга уже тогда шли.